

9. Za pokushenie na ubijstvo muzhchine dali 15 let kolonii. Spustya 64 goda ego opravdali [A man was given 15 years in prison for attempted murder. After 64 years, he was acquitted] // URL: <https://msk1.ru/text/criminal/2023/07/31/72548639/> (access date: 09/26/2023).

10. Hart G. L. A. Ponyatie prava [The concept of law]. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta [St. Petersburg University Publishing house], 2007.

11. Gur'ev V. V. Gosudarstvenno-pravovaya zhizn' obshchestva: problema minimizatsii konfliktnosti i rasshireniya sfery sotrudnichestva // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya [State-legal life of society: the problem of minimizing conflict and expanding the scope of cooperation // State-legal studies]. 2022. Issue. 5. Pp. 91–96.

12. SHERDANCEV A. F. Integrativnoe nedoponimanie prava // Zhurnal rossijskogo prava [Integrative misunderstanding of law // Journal of Russian Law]. 2016. No. 10. Pp. 5–15.

13. Vlasenko N. A. Rezul'tativnost' pravoponimaniya v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Zhurnal rossijskogo prava [Effectiveness of legal understanding in modern legal science // Journal of Russian Law]. 2015. No. 4. Pp. 5–18.

Игорь Николаевич Исаков

*Доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук НИУ МИЭТ, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: isakov2009@yandex.ru*

Регулирующий потенциал нормативных актов органов исполнительной власти в первичном регулировании (на примере реализации принципа равенства в правовой жизни общества)

Аннотация. Теория и практика разноуровневого правового регулирования существенно дополняется нормотворческой деятельностью органов исполнительной власти, призванных обеспечить выход законодательных установлений в сферу их непосредственного действия. Это обуславливает актуальность статьи. Предметом исследования выступает нормотворческая деятельность органов исполнительной власти по созданию конкретизированных и детализированных норм права. Цель работы — показать, что нормативные акты органов исполнительной власти имеют статус вторичного уровня правового регулирования. Полученные выводы основываются на диалектическом, формально-юридическом, сравнительно-правовом и других методах. Новизна исследования заключается в демонстрации правомерности вхождения нормативных актов органов исполнительной власти в законодательный уровень правового регулирования на правах субэлемента. Выводы. Благодаря действию нормативных актов органов исполнительной власти обеспечивается единство разноуровневого правового регулирования, соответствие единой воле законодателя.

Ключевые слова: закон, нормативное предписание, законодательная инициатива, полномочие, правоотношения, исполнительная власть, вторичная нормативность, правовое равенство, конкретизация первичных норм, нормотворчество, минимальные стандарты.

Igor Nikolaevich Isakov

Associate Professor of Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian disciplines MIET (National Resaerch University of Electronic Technology), Candidate of Legal science, Docent

---

Regulative Potential of Normative Acts of the Executive Bodies in Initial Regulation (on the Example of Realizing Principle of Equality in Public Legal Life)

Annotation. *Theoretical and practical issues of differentiated legal regulation is significantly updated by lawmaking activity provided by law-enforcement bodies, aimed to ensure implementation of legislative enactments in the field of their direct appointment. This fact serves the relevance of the present paper. The work is subjected to law-enforcement bodies' standard-setting activities towards making specified and detailed rules of law. The purpose of the research is to demonstrate that legal acts provided by law-enforcement bodies have the status of minor level in legal regulation.*

The obtained conclusions are based on dialectical, formal legal, comparative legal and other methods. The novelty of the study lies in demonstrating the legitimacy of the entry of normative acts of executive authorities into the legislative level of legal regulation as a sub-element. The author concludes that implementation of law-enforcement bodies' legal acts ensures unity of differentiated legal regulations and their compliance with the single will of the legislator.

Keywords: *law, normative prescription, legislative initiative, authority, legal relationships, law-enforcement power, secondary normativity, legal equality, concretion of primary norms, lawmaking, minimal standards.*

В условиях стремительного возрастания динамизма общественных отношений и одновременного усиления их напряженности, вызванного осложнениями межнациональных отношений на международном уровне, дошедших до прямых и крупномасштабных военных действий, для правовой жизни российского общества остаются незыблемыми фундаментальные и жизненно важные ценности: демократизм, равноправие, социальность и суверенность. Последняя в сложившейся обстановке гарантирует государственную целостность и территориальную неприкосновенность как главные условия независимости Российского государства, осуществления его правотворческой и регулятивной деятельности.

Что касается тенденций и процессов, проявляющихся в демократизации общественных отношений, усилении их социальной направленности, формировании механизмов реализации принципа равенства, то они наглядно просматриваются в расширении круга субъектов, наделенных правом принятия норм первичного правового регулирования, вовлечении в первичное регулирование легализованного негосударственного правотворчества, появлении новых форм и уровней первичного правового регулирования и др.

Автором настоящей статьи уже обосновывалось, что только первичные правовые нормы, содержащиеся в законах и предписаниях уполномоченных органов муниципальных и легализованных негосударственных образований, лежат в основе образования уровней первичного правового регулирования.

В то же время теория и практика разноуровневого правового регулирования существенно дополняется нормотворческой деятельностью органов исполнительной власти, поскольку она органично связана с федеральными и региональными законами, а также с предписаниями муниципальных образований. С учетом предмета настоящего исследования акцент можно сделать на то, что конкретизированные органами исполнительной власти первичные правовые нормы, действующие на различных уровнях правового регулирования, облегчают выход законодательных и иных установлений в сферу их непосредственного действия в конкретных правоотношениях и таким образом обеспечивают реализацию конституционного принципа равенства.

Однако в этом аспекте дискуссионным остается ряд вопросов, в частности, о статусе и регулирующем потенциале норм правового регулирования федеральных, региональных, муниципальных органов исполнительной власти, а также исполнительных органов легализованного негосударственного правотворчества. При этом особого внимания заслуживает один из ключевых вопросов — образуют ли правовые нормы органов исполнительной власти самостоятельные уровни правового регулирования в правовой жизни российского общества. Дискуссионными остаются также вопросы об отличии норм первичного правового регулирования, содержащихся в актах «первичной

нормативности», от норм вторичного (обеспечительного) регулирования, содержащихся в актах «вторичной нормативности», принимаемых федеральными, региональными и муниципальными органами исполнительной власти, а также исполнительными органами негосударственного правотворчества.

В этом контексте приведем аргументы, подтверждающие, что правовые нормы органов исполнительной власти, не образуя самостоятельного уровня правового регулирования, входят в уровни, образованные нормами первичного регулирования, как их субэлемент и в таком качестве обеспечивают первичное правовое регулирование, активно участвуют в реализации конституционного принципа равенства.

Всестороннее обоснование конституционных положений об исполнительном характере деятельности Правительства РФ, иных федеральных органов исполнительной власти и дальнейшая их конкретизация в свете современных реалий нашло свое отражение во многих статьях нового Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (далее – ФКЗ). В частности, в ст. 3 закрепляются принципы исполнительной деятельности, требующие активного участия Правительства в законотворческой деятельности. Такое участие Закон определил в форме права законодательной инициативы, не предполагающей прямого установления норм первичного правового регулирования. Так, в соответствии со ст. 26 Правительство РФ наделяется основным полномочием в области законодательной деятельности – вносить законопроекты в Государственную Думу и поправки к законопроектам, находящимся на рассмотрении в Государственной Думе.

Помимо этого Правительство наделяется правом: 1) давать письменные заключения на законопроекты о введении или отмене налогов, выпуске государственных займов, на законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета; 2) направлять в палаты Федерального Собрания официальные отзывы на рассматриваемые в них законопроекты, подлежащие обязательному оглашению; 3) направлять субъекту права законодательной инициативы и в Государственную Думу официальный отзыв на законопроекты (если получение такого отзыва предусмотрено федеральными законами); 4) назначать официальных представителей для представления в палатах Федерального Собрания внесенных законопроектов для защиты позиции Правительства РФ.

Как видим, имея большой объем законодательных полномочий и выступая активным участником законотворческого процесса, Правительство в силу своего статуса не может выступать законодательным органом, а всецело сосредоточено на исполнении первичных норм федеральных законов.

В этом контексте приведем и другие, с нашей точки зрения, достаточно весомые аргументы, свидетельствующие, что нормативные акты органов исполнительной власти, не образуя самостоятельного уровня правового регулирования, входят в законодательный, муниципальный и легализованный негосударственный уровни первичного правового регулирования в качестве субэлемента.

1. Закрепленное в новом ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» положение о запрете для членов Правительства РФ быть сенаторами, депутатами Государственной Думы, депутатами законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации может означать, что члены Правительства не подменяют депутатов и сенаторов, не воздействуют на законодательный процесс посредством прямого голосования по принятию норм первичного регулирования либо прямого их одобрения или неодобрения, а имеют полномочия активно участвовать в законотворческой деятельности по своим направлениям в соответствии с ФКЗ.

2. Правительство РФ, обязанное представлять Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей исполнительной деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, дополнительно направляет развернутую информацию о ходе разработки и предполагаемых сроках принятия нормативных актов, предусмотренных федеральными законами. При этом члены Правительства РФ обязаны по приглашению палат Федерального Собрания присутствовать на заседаниях палат и отвечать на вопросы сенаторов и депутатов Государственной Думы об исполнении нормативных актов, предусмотренных федеральными законами. В данном случае законодатель предусмотрел комплекс мер, позволяющих контролировать исполнение первичных норм, содержащихся в федеральных законах.

3. В статусе высшего органа исполнительной власти Правительство РФ в соответствии с ФКЗ осуществляет взаимодействие органов публичной власти, координирует их деятельность в рамках единой системы исполнительной власти в Российской Федерации. На уровне норм вторичного регулирования участвует в установлении правовых основ системы здравоохранения, воспитания и образования, формирует национальные проекты и федеральные целевые программы, реализует социальные права граждан, в частности, обеспечивает реализацию минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения (пп. 1–2 ст. 17) и др.

Осуществление указанных видов деятельности в рамках единой системы исполнительной власти не требует от Правительства принятия новых первичных норм, но может свидетельствовать о системном подходе законодателя за исполнением первичных норм, предусмотренных федеральными законами.

4. Подтверждением исполнительного характера нормативных актов органов исполнительной власти может служить и порядок их принятия, поскольку последний устанавливается Правительством РФ и потому существенно отличается от порядка принятия норм первичного регулирования. Речь в данном случае идет о том, что органы исполнительной власти и должностные лица, уполномоченные принимать нормативные правовые акты вторичной нормативности, в соответствии со ст. 7 ФКЗ от 06.11.2020 назначаются в установленном порядке.

Исходя из этого, Правительство вправе издавать акты лишь исполнительного характера (постановления и распоряжения) и обеспечивать их исполнение (ч. 1 ст. 5 ФКЗ). В случае противоречия правительственных актов Конституции РФ и федеральным законам они отменяются правовым актом Президента РФ, а не в судебном порядке, как отменяются акты первичного правового регулирования (ч. 9 ст. 5).

Между тем в ряде государств исполнительная власть президентов, правительств, министерств, ведомств не исчерпывается исполнением первичных норм законов и принятием подзаконных актов. Например, во Франции и других государствах правительства наделены законотворческими полномочиями, позволяющими дополнять и изменять парламентские законы. Основанием в данном случае выступает делегирование законодательной функции от парламента к правительству, поскольку последнее нередко выполняет такую функцию более оперативно. Как отмечает Р. Давид, законодательная власть перегружена и потому не всегда справляется с задачами законотворчества [1, с. 83].

Что касается современной российской юридической науки, то, как известно, она отрицательно относится к делегированному правотворчеству. Тем не менее в литературе достаточно активно обсуждается точка зрения, что по смыслу ч. 1 ст. 115 Конституции РФ (подобный смысл согласно конституциям США и Канады определяется как «*подразумеваемые компетенции*») Правительство России обладает правом делегированного нормотворчества. При этом авторы не акцентируют внимание на том, что Конституция РФ не закрепляет право принятия Правительством России норм в качестве «*подразумеваемых компетенций*». Например, в книге «Правительство Российской Федерации» под ред. Т. Я. Хабриевой прямо говорится, что акты Правительства РФ являются управленческими [2, с. 392].

Характерно, что в условиях советского общенародного государства подзаконные нормативные правовые акты союзного Правительства, союзно-республиканских министерств и ведомств содержали нормы первичного регулирования и составляли в системе советского права самостоятельный уровень правового регулирования. Как отмечал А. В. Мицкевич, «подавляющее большинство постановлений Совета Министров инициативно устанавливали исходные первоначальные нормы по вопросам, прямо не урегулированным законом, но отнесенным к компетенции Совета Министров» [3, с. 154].

Что касается инициативного правотворчества в Российской Федерации, то до 2020 г. каждый третий акт федеральных органов исполнительной власти принимался инициативно, что позволяло ряду авторов говорить о необходимости сокращения такого вида правотворчества либо о его полном запрете [4, с. 584].

Между тем практика показывает, что инициативное правотворчество исполнительной власти является одним из наиболее уязвимых мест демократического государства, поскольку в различных формах и объемах вторгается в законодательную сферу.

Как полагают В. С. Нерсисянц и другие авторы, если правотворчество Правительства РФ «не согласовано» с Парламентом и в результате первичные нормы закона оказались «исправлены», то подобного рода правотворчество нельзя считать легитимным [4, с. 390, 394]. Вызывает сомнение, что по «согласованию» с парламентом можно «исправлять» нормы первичного регулирования.

Более того, ряд авторов утверждают, что в случае необходимости исполнительная власть может инициативно создавать «новые правовые нормы» [5, с. 191]. С таким мнением согласиться тоже сложно, поскольку принятие новых первичных норм органами исполнительной власти не закреплено Конституцией РФ и федеральными законами.

Существуют точки зрения указывающие на возможность «дополнения», «расширения», «усиления» и т. д. норм первичного правового регулирования органами исполнительной власти. Так, С. В. Поленина отмечает, что «конкретизация нормы права не влечет за собой ликвидации или изменения генерализирующей нормы, а наоборот, расширяет либо частично *сужает* (курсив мой.— И. И.) ее содержание, не затрагивая при этом формы, содержания или функции конкретизируемой нормы» [6, с. 41]. В целом точка зрения автора понятна, но, по нашему представлению, «расширение» нормы закона или даже частичное ее «сужение» сложно осуществить, не затрагивая содержания конкретизируемой первичной нормы.

Можно привести немало примеров, демонстрирующих стремление авторов «оправдать» участие органов исполнительной власти в качестве самостоятельного субъекта в случаях, когда «конкретизированные» нормы меняли не только форму, но и содержание законодательных актов [7, с. 401–410]. Например, оправдывалось действие Приказа Минэкономразвития № 398 «Об утверждении Положения о порядке подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия нормативных актов», зарегистрированного в Минюсте и действовавшего до 2013 г., хотя по своему содержанию он выходил за рамки представленных Минэкономразвития полномочий.

В этом контексте М. А. Лапина и другие авторы полагают, что законы вообще не могут реализовываться без издания соответствующих подзаконных актов органами исполнительной власти. По их мнению, такие акты способны усилить либо ослабить нормативное предписание закона, влияя на эффективность его реализации и предмет регулирования [8, с. 13]. Подобную точку зрения разделяет Ю. Г. Арзамасов, отмечая, в частности, что нормативные правовые акты органов исполнительной власти на современном этапе являются такими же необходимыми правовыми средствами, как и федеральные законы [9, с. 221]. По нашему представлению, нормативные акты органов исполнительной власти не могут менять первоначальный смысл первичных норм. Такие акты призваны обеспечивать реальное и безукоризненное действие законов в соответствии с их буквой и духом, по форме, установленной Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 [10]. Наиболее эффективной формой исполнения федеральных законов, обеспечения их безукоризненного действия является конкретизация норм первичного регулирования, содержащихся в законах такого уровня.

Что касается «ослабления» или «усиления» первичных норм органами исполнительной власти, полагаю, что исполнительный орган может конкретизировать лишь реально существующие первичные нормы, при этом «не улучшая» и «не ухудшая» их методом «ослабления» или «усиления». В случае если государственные органы исполнительной власти признают необходимым устранить законодательный пробел, они должны сделать это в установленном законом порядке. Самостоятельное устранение федеральным либо региональным правительством, иным органом исполнительной власти законодательного пробела представляет собой антиконституционное деяние, лежащее за пределами их компетенции и подлежащее незамедлительной отмене.

С этих позиций роль нормативных правовых актов органов исполнительной власти в первичном регулировании наиболее ярко прослеживается на примере реализации принципа равенства, признаваемого в юридической науке ведущим, фундаментальным принципом, отражающим наиболее глубокие сущностные качества права и потому играющим роль первоосновы в ряду других всеобщих правовых принципов. Отсутствие равенства в праве сводит на нет ценностные свойства последнего.

Исходной точкой реализации интегративных свойств данного феномена выступают нормы первичного правового регулирования, обеспечивающие его реальное действие в правовой жизни общества. Так, равноправие управомоченных субъектов, вступающих в конкретные правоотношения, обеспечивается договором через закрепление прав и обязанностей субъектов, вовлеченных в данное правоотношение.

Рассуждая в этом направлении, следует подчеркнуть, что в условиях современной правовой жизни право используется для распределения лишь тех материальных и духовных благ, которые общество в силу неразвитости производительных сил не может производить в объеме, необходимом для удовлетворения потребностей в них всех и каждого. Исходя из этого, современные государства, наделяя всех субъектов равными правами на жизненно необходимые блага, не могут гарантировать предоставление таких благ каждому члену общества. При этом в качестве гарантии осуществления индивидом права на самообеспеченность закрепляется право иметь в частной собственности орудия на средства производства. На этом основании авторы либеральных теорий полагают, что феномен индивидуализма способен реализовать принцип самообеспеченности личности. Основываясь на подобных теориях, Конституция РФ 1993 г. закрепила идеи «разумного индивидуализма», признав человека, его права и свободы «высшей ценностью». К сожалению, получила распространение такая практика, когда фактическое неравенство подменяется формальным равенством, а позитивное право искажает объективное право и действует вместо него [11, с. 556]. Например, переход формально-правового равенства в фактическое неравенство проявляется в том, что у работодателя-собственника существуют вполне легальные возможности в рамках формально-правового равенства урезать права работников (перепрофилирование предприятия, сокращение штатов, аттестация работников, перевод на нижеоплачиваемую должность и т. д.).

По мнению Е. А. Лукашевой, принципы «коллективизма», «кооперации» и др., внедрившиеся в Советской России, в отличие от принципа индивидуализма, обеспечивают сотрудничество, согласие, солидарность и т. д., что является более эффективной мерой достижения равенства в праве [12, с. 13].

Как видим, когда источником неравенства выступает социальный контекст, решение задачи по снижению социального неравенства должно взять на себя социальное государство, в том числе федеральные органы исполнительной власти.

В развитых странах равное право существует на уровне минимальных стандартов, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека [13].

На уровне минимальных государственных стандартов равенство существует и в Российской Федерации (п. 2 ст. 19 Конституции РФ), а его реализацию осуществляют органы исполнительной власти.

На пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» (в октябре 2021 г.) В. В. Путин говорил, что «модель индивидуализма становится тормозом воплощения равенства в обществе» [14]. На основе такого вывода 08.11.2021 Президент подписал Указ «Об утверждении Основ государственной политики в сфере государственного планирования». Основным инструментом планирования определен «балансовый метод», который в системе принятия государственных решений может способствовать обеспечению фактического равенства в правовой жизни общества.

Подобные примеры подтверждают, что фактическое равенство пробивает себе дорогу, расширяет диапазон своего действия.

Итак, конечная цель правовых норм органов исполнительной власти состоит в переводе фундаментального интегративного принципа равенства из состояния формального равенства в реальную действительность.

Пристатейный библиографический список

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 2009.
2. Правительство Российской Федерации / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Норма, 2005.
3. Мицкевич А. В. Нормативные акты советских государственных органов // Общая теория советского права. М. : Юрид. лит., 1966.

4. Проблемы общей теории права и государства : учебник / [Н. В. Варламова и др.]; под общ. ред. В. С. Нерсесянца ; Ин-т государства и права РАН. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010.

5. Петров Н. П. Правотворческая политика Правительства Российской Федерации // Правотворческая политика в современной России / под ред. А. В. Малько. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2013.

6. Поленина С. В. Конкретизация как метод законотворчества в Российской Федерации // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы междунар. симпозиума / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2008.

7. Нормография: теория и методология нормотворчества : учеб.-метод. пособие / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Трикта : Акад. проект, 2007.

8. Лапина М. А. Подзаконное нормотворчество исполнительной власти // Вопросы экономики и права. 2012. № 8. С. 10–26.

9. Арзамасов Ю. Г. Ведомственная правовая политика // Правотворческая политика в современной России : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2016.

10. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (в ред. от 14.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/?ysclid=lju3rc7ro4972704722/ (дата обращения: 08.07.2023).

11. Сырых В. М. Материалистическая теория права. Т. 2. М. : Российская академия правосудия, 2011.

12. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма, 2002.

13. Резолюция третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН № 217А (III) от 10.12.1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml/ (дата обращения: 08.07.2023).

14. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975/> (дата обращения: 08.07.2023).

References

1. David R., ZHoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. [Basic legal systems of our time] М. : Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations], 2009.

2. Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii [Government of the Russian Federation] / under edition of T. YA. Habrieva. М. : Norma, 2005.

3. Mickevich A. V. Normativnye akty sovetskih gosudarstvennyh organov // Obshchaya teoriya sovetskogo prava. [Regulatory acts of Soviet government bodies // General theory of Soviet law] М. : YUrid. lit. [Legal literature], 1966.

4. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva : uchebnik [Problems of the general theory of law and state: textbook] / [N. V. Varlamova and the others]; under the general edition of V. S. Nersesyanc ; Institute of State and Law RAN (Russian Academy of Science). Second edition revised. М. : Norma : INFRA-M, 2010.

5. Petrov N. P. Pravotvorcheskaya politika Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Pravotvorcheskaya politika v sovremennoj Rossii [Law-making policy of the Government of the Russian Federation // Law-making policy in modern Russia] / under edition of A. V. Mal'ko. Saratov : Izd-vo Saratovskoj gos. jurid. akademii [Publishing house of Saratov State Law Academy], 2013.

6. Polenina S. V. Konkretizaciya kak metod zakonotvorchestva v Rossijskoj Federacii // Konkretizaciya zakonodatel'stva kak tekhniko-yuridicheskij priem normotvorcheskoj, interpretacionnoj, pravoprimeritel'noj praktiki : materialy mezhdunar. Simpoziuma [Concretization as a method of lawmaking in the Russian Federation // Concretization of legislation as a technical and legal technique of rule-making, interpretative, law enforcement practice: materials of the international symposium] / under edition of V. M. Baranov. N. Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya. MVD Rossii [Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2008.

---

7. Normografiya: teoriya i metodologiya normotvorchestva : ucheb.-metod. posobie [Normography: theory and methodology of rule-making: educational methodological manual] / under edition of YU. G. Arzamasov. M. : Triksa : Akad. proekt [Academic project], 2007.

8. Lapina M. A. Podzakonnoe normotvorchestvo ispolnitel'noj vlasti // Voprosy ekonomiki i prava. [Subordinate rule-making of the executive branch // Questions of economics and law] 2012. № 8. Pp. 10–26.

9. Arzamasov YU. G. Vedomstvennaya pravovaya politika // Pravotvorcheskaya politika v sovremennoj Rossii : kurs lekcij. 2-e izd., pererab. i dop. [Departmental legal policy // Law-making policy in modern Russia: a course of lectures. 2nd ed., revised and enlarged] / under edition of A. V. Mal'ko. M. : Prospekt, 2016.

10. Ob utverzhenii Pravil podgotovki normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i ih gosudarstvennoj registracii : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.08.1997 № 1009 (v red. Ot 14.02.2023) [On approval of the Rules for the preparation of normative legal acts of federal executive authorities and their state registration: Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/13/1997 No. 1009 (as amended on 02/14/2023)]. : URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/?ysclid=lju3rc7ro4972704722/ (date of access: 07/08/2023).

11. Sryh V. M. Materialisticheskaya teoriya prava. T. 2. [Materialistic theory of law. T. 2.] M. : Rossijskaya akademiya pravosudiya [Russian Academy of Justice], 2011.

12. Prava cheloveka: itogi veka, tendencii, perspektivy [Human rights: results of the century, trends, prospects] / editor in charge: E. A. Lukasheva M. : Norma, 2002.

13. Rezolyuciya tret'ej sessii General'noj Assamblei OON № 217A (III) ot 10.12.1948. [Resolution of the third session of the UN General Assembly No. 217A (III) dated 12/10/1948] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml/ (date of access: 07/08/2023).

14. Zasedanie diskussionnogo kluba «Valdaj» [Meeting of the Valdai Discussion Club]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975/> (date of access: 07/08/2023).